

ОЧАРОВАНИЕ НАРЦИССИЗМА

А.ХОЛМОГорова,
Н.ГАРАНЯН

Понятие нарциссизма все чаще встречается в психотерапевтической литературе, и это не случайность. Глубокие нарциссические проблемы скрываются за многими переживаниями и поведенческими дисфункциями современного человека. Со времен второй мировой войны практикующие психотерапевты отмечают увеличение числа клиентов с нарциссической организацией: перманентной фиксированностью на проблемах самооценки и ее выраженной зависимостью от похвал или критики, невозможностью испытывать чувство удовлетворения, чувством внутренней “пустоты”, холодностью в межличностных контактах, “параличом” деятельности вследствие крайне высоких притязаний.

Еще Зигмунд Фрейд выделял, по крайней мере, четыре аспекта понятия “нарциссизм”:

1) нормальный нарциссизм – потребность ощущать собственную значимость, поддерживать самооценку на достаточно высоком уровне, что проявляется в здоровой любви к самому себе;

2) патологический нарциссизм в виде фиксации либидо на собственном “Я”;

3) механизм возникновения и развития шизофренического психоза – отнятия либидо от объекта и обращение его на собственное “Я”;

4) нарциссический выбор объекта (или выбор объекта на нарциссической основе), осуществляемый не на основании реальных и известных свойств другого человека, а посредством приписывания ему идеальных желаемых свойств.

Значительное продвижение теории нарциссизма связано с именем Х.Кохута. Попытаемся предельно кратко описать суть его концепции.

Дополнительно к трем психическим инстанциям, выделенным З.Фрейдом, Х.Кохут устанавливает еще одну – *Self*, считая необходимым условием нормального развития личности получение этой инстанцией достаточного количества либидинозной энергии, что гарантирует достаточный уровень самоуважения и самопринятия человека. Становление ин-

станции “Селф” происходит по двум каналам: развитие идеального образа “Я” и идеальной родительской репрезентации. От нормальных для детского и подросткового возраста фантазий всемогущества человек переходит ко все более реалистичному образу “Я” и, соответственно, реалистичным жизненным целям. По аналогии, идеализированные образы родителей постепенно трансформируются, с одной стороны, в некий набор принципов и идеальных представлений о воспитании, а, с другой, – в образы конкретных, живых людей с их достоинствами и недостатками. Если такой трансформации по определенным причинам не происходит, то имеет место фиксация на идеальных “Селф-объектных” репрезентациях. Человек строит свою жизнь на основе мифа о существовании идеального партнера, идеальной среды обитания и возможности достичь полного личного совершенства.

В семейном и супружеском консультировании эти проблемы приобретают особое звучание, проявляясь в особом выборе партнера и особых сложностях отношений.

Комплементарность супружеских ролей – одна из фундаментальных идей семейной психотерапии. Корнями она уходит в аналитические представления о защитных механизмах. Известный швейцарский психотерапевт Йорг Вилли внес в эту идею чрезвычайно плодотворное уточнение. “С первых психоаналитических исследований известно, что у человека существует тенденция проецировать свои вытесненные бессознательные фантазии на другого человека, – пишет он в одной из своих работ. – Однако к понятию проекции следует подходить критично, когда дело касается супружеских пар” (Willi, 1990, p.168). В данном случае проецируются и приобретают особое значение в поведении другого – отщепленные или вытесненные аспекты собственного “Я”. Согласно теории коллюзии, разработанной Й.Вилли, “вытесненные в бессознательное способы поведения у одного из партнеров соответствуют способам открытого социального поведения у другого. Таким образом, существует равновесие между интраиндивидуальным балансом каждого партнера и интериндивидуальным балансом пары. Каждый чувствует нужду в таком поведении другого партнера, к которому он сам бессознательно стремится, и одновременно находит в этом защиту от опасности вставать в позицию, которую сам он со страхом избегает. Партнер же реализует эту нужду, исходя из собственной мотивации” (там же).

Учение об “общем бессознательном” партнеров – одно из центральных в психоаналитически ориентированной семейной психотерапии. “Партнеры связаны общими, как правило, бессознательными основными представлениями. Общее представление и бессознательная фантазия образуют эмоциональную основу двустороннего притяжения. Они определяют интенсивность связи, но также создают почву для конфликтов” (Willi, 1990). В союзе партнеров с нарциссическими проблемами за этими конфликтами

скрывается общий для обоих партнеров миф о существовании абсолютного, идеального, ничем не омраченного симбиоза. Невозможность реализовать этот миф становится причиной тягостных переживаний: депрессии, тоски, гнева, алкоголизации.

Йорг Вилли описывает “нарциссическое слияние” как “танец” прогрессивного и регрессивного партнеров: первый, прогрессивный, способен к социальному функционированию и грандиозен, второй, регрессивный – пассивен и плохо приспособлен, но полон восхищения и преданности своей грандиозной половине, поэтому оба необходимы друг другу. Прекрасной метафорой такого брака служит известная притча о том, как павлин женился на невзрачной курице, оставив в книге актов гражданского состояния следующую запись: “Вступаем в брак, так как я и моя жена бесконечно меня любим”.

Однако в данной статье мы хотим описать несколько иной “танец” партнеров с нарциссическими проблемами. В этом танце прогрессивный партнер (социально хорошо функционирующий и активный) полон любви и восхищения к регрессивному – неадекватно функционирующему – и готов обслуживать его социальный инфантилизм или социальный авантюризм. Основным источником конфликтов в такой паре – недовольство и претензии регрессивного партнера.

Теория комплементарности супружеских ролей была ассимилирована семейной системной терапией в качестве одного из важных оснований в работе с парами. В коммуникативной школе *Пало Альто* комплементарные отношения, основанные на взаимодополняющих различиях партнеров (например, один – напористый, другой – уступчивый), противопоставлялись симметричным, основанным на равенстве вкладов. Дон Джэксон, один из пионеров *Пало Альто*, полагал, что комплементарность чаще служит источником супружеских конфликтов. Джон Фогарти, последователь Мюррея Боуэна, описал один из часто встречающихся в западной культуре типов такого рода отношений: “преследователь – дистанцирующийся”. Чем больше “преследует” один из партнеров в паре, требуя общения и близости, тем больше отдаляется другой – смотрит телевизор, работает допоздна, играет на компьютере и т.д. Основное “искусство” восстановления контакта с отдаляющимся партнером заключается, по Д.Фогарти, в том, чтобы “никогда не преследовать дистанцирующегося” (цит. по: *Nichols, Schwartz, 1998, p.131*). Комплементарность супружеских ролей может приводить к ролевым дефицитам и ролевой ригидности у партнеров, что, в свою очередь, повышает риск семейной дезадаптации. Так, при смене жизненного цикла или в других стрессогенных обстоятельствах партнеры оказываются привязанными к жестким стереотипам взаимодействия, будучи не в состоянии по-новому распределить задания, освоить новые способы поведения, удовлетворить блокированные потребности.

Рассмотрим некоторые типичные сценарии партнерских отношений у людей с неразрешенными нарциссическими проблемами.

Первый вариант партнерских отношений мы условно назвали следующим образом: *“женщина-“недоступная снежная вершина” – мужчина, пожизненно растапливающий “льды”*”. Такого рода женщина отличается эмоциональной холодностью в отношениях со своим партнером, никогда не дает ему однозначного, надежного ощущения своей любви и преданности. Зачастую она мало экспрессивна и выразительна, никогда не раскрывает свой внутренний мир. У мужчины создается иллюзия загадочного, таинственного, прекрасного и недоступного объекта. На ее фоне теплые, принимающие, психологически понятные женщины выглядят примитивными и скучными. В отличие от них, недоступная избранница вызывает ощущение контакта с чем-то необыкновенно ценным и заманчивым. Близость с такой женщиной и перспектива ее завоевания переживается мужчиной как невероятно острый, ни с чем не сравнимый опыт. Здесь уместно вспомнить и известный в психологии феномен, открытый Б.В.Зейгарник: в нашей памяти наиболее прочно укореняется то, что нам не удалось завершить. По аналогии, женщина, которую никогда не удастся эмоционально завоевать, становится наркотиком для определенного типа мужчин. Среди них есть мужчины, которые легко добиваются побед в силу своих выдающихся мужских и личностных достоинств. Они пресыщены женской доступностью, их способность увлекаться растрочена, а к длительным отношениям они уже почти неспособны. Встреча с такой женщиной нередко оказывается для них роковой. Ее спокойствие, недоступность, отсутствие жарких признаний и ласк, перманентный скепсис и критичность звучат для них как вечный вызов. Жизнь мужчины все больше начинает подчиняться цели – одолеть “снежную вершину” и получить любовь, недвусмысленное признание, тепло и страсть от той, которая никому этого не дает.

С точки зрения теории коллюзии, такие мужчины воспринимают холодность, низкую экспрессивность и отстраненность как проявления силы и независимости. Через симбиотическое “слияние” с женщиной они на бессознательном уровне надеются приобрести эти качества. По тем же механизмам, представленный тип женщин может казаться привлекательным и для мужчин с проблемами контроля над чувствами.

Среди мужчин-“истопников” можно обнаружить немало хорошо известных людей*. Сотни страниц посвящены загадочной привязанности В.Маяковского к Л.Ю.Брик. Известно, что чем больше амбивалентности и эмоциональной неоднозначности она проявляла к поэту, тем дороже ему становилась, тем больше место занимала в его стихах, мыслях и переживаниях. Как отмечает известный литературовед и историк литературы

* Авторы статьи не претендуют на экспертную позицию в сложной проблеме взаимоотношений известных личностей. Здесь возможны разные точки зрения, и мы не ставили перед собой задачи все их отразить.

Л.Я.Гинзбург, Лиля Юрьевна “значительна не блеском ума или красоты (в общепринятом смысле), но истраченными на нее страстями, поэтическим даром, отчаянием” (Гинзбург, 1988, с.157). Еще одна блистательная пара, бывшая у всех на виду и на слуху уже в новейшей истории, – Джон Леннон и Йоко Оно. С именем последней поклонники, а также исследователи творчества “Битлз” связывают распад знаменитой четверки. Сила ее влияния на Леннона изумляла его друзей и почитателей. Нередко встречаются крайне негативные оценки этого влияния. Так, в краткой публикации С.Миров проводит параллель между двумя упомянутыми парами: “Оторопь и ужас вызывает целеустремленное обращение их в пожизненное рабство, дезавуирование их собственной точки зрения и буквальный диктат как в области тем произведений, так и выразительных средств”.

Другой тип уязвимых мужчин в описываемом варианте отношений – это теплые, заботливые и ответственные, интенсивно жаждущие тепла и любви. Механизм зависимости подобного склада мужчин от “снежной вершины”, как нам кажется, заключается в одержимости присущего им желания завоевать холодную мать и, наконец, добиться от нее любви и признания. Третий тип мужчин, выбирающий холодную, требовательную и вечно недовольную женщину, это мужчины очень нормативные, неспособные внести эмоциональное разнообразие в свою жизнь, томящиеся от душевной монотонии. Внезапные перепады настроения, сцены с упреками, упрямое следование абсурдным требованиям, столь свойственные женщинам с истеро-нарциссическими проблемами, воспринимаются этими мужчинами как насыщенная, полноценная эмоциональная жизнь. Помимо прочего, они уступчивы, им трудно отстаивать свои интересы, поэтому открытая доминантность, эгоцентризм партнерши вызывают у них уважение и восхищение и приковывает к ней по принципу комплементарности.

Еще один вариант сценария у партнеров с неразрешенными нарциссическими проблемами можно описать метафорой “женщина-коллекционер” – наивный мужчина”. Литературным примером “коллекционирующей” поклонников женщины может служить известная Марья Николаевна Полознева из повести И.С.Тургенева “Вешние воды”. Смысл ее жизни – собирать вокруг себя коллекцию поклонников, постоянно подтверждающих ее чары, значимость и власть. Сама она остается холодна и расчетлива, но ловко умеет имитировать чувство и страсть на первых этапах отношений, пока жертва не покорена. Интерес к объекту утрачивается молниеносно, и в дальнейшем он выступает для нее приятным отражением ее собственного величия. Жертвами таких “коллекционерок” нередко становятся социально не опытные, малопроницательные мужчины, не умеющие различать искренние чувства и искусные манипуляции. Иногда они остаются в рабской зависимости от таких женщин на долгие годы, существуя как будто под гипнозом. Другой тип, попадающий в сеть “коллекционерки” – не уве-

ренный в себе мужчина с хроническим нарциссическим недовольством собой. Через “слияние” с такой дамой он бессознательно мечтает реализовать свою неудовлетворенную потребность во власти и совершенстве: “Покорив недоступный объект, обретешь свою силу”. Максимум сексуального влечения и внутренней одержимости отношениями достигается у мужчины в тот момент, когда женщина, удовлетворив свое тщеславие, теряет интерес к едва возникшей связи. Для “коллекционерок” любовные отношения являются нарциссическим полем битвы, на котором доказываются сила и превосходство над партнером. Признание в любви в их адрес служит для этих женщин знаком поражения партнера. Вот как описывает такого рода отношения одна из наших пациенток: “Он говорит, что все время думает обо мне, что не может жить без меня. Это роняет его в моих глазах. Признание не должно быть озвучено, иначе любовь показывает хвост. Нельзя демонстрировать слабость, надо завоевывать друг друга. Должна быть борьба... Если бы он сейчас охладел, то, может, чувства бы возобновились”. Ради “победы” такие женщины готовы пожертвовать удовлетворением от сексуальной жизни. Та же пациентка прикладывает особые усилия для сокрытия своего сексуального “склада”: “Мужчина должен сам обо всем догадаться, а я буду всячески этому противостоять”. Кредо “коллекционерки” блестяще выражено в словах еще одной пациентки: “Как он меня полюбит, так я интерес теряю. А что? Уже как будто в карман себе положила!”. Мы не склонны, вслед за поэтом, рассматривать такие внутренние конфликты как типично женские установки в отношениях с мужчинами (“Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей”). Глубокие нарциссические проблемы ведут к состояниям депрессии и тревоги, одиночеству, пустоте. Характерно, что эти женщины, как правило, отказываются приходить на психотерапию совместно с партнерами, так как для них невыносимо обнажение проблем в его присутствии.

Далее мы подробно остановимся на варианте отношений в диаде: “женщина-“снежная вершина” – мужчина, пожизненно растапливающий “льды””.

Прежде, чем перейти к описанию отдельных клинических случаев, охарактеризуем общую специфику обращений, в рамках которых мы отмечали описанные паттерны. Во всех десяти описываемых нами случаях поводом для первичного обращения служила депрессия одного из партнеров. Практически во всех случаях депрессивными оказывались женщины, а мужчины находились в состояниях кризиса, причем у четырех из них отмечались алкогольные эксцессы и периодические вспышки интенсивного гнева. Важно отметить, что дети, если таковые имелись в семье, также страдали от психических расстройств разной степени тяжести: депрессии (в двух случаях серьезные суицидальные попытки), булимии, гиперактивность.

Опишем наиболее типичные феномены во взаимоотношениях при сценарии указанного типа.

1. *“Переопределение качеств”*. Этот феномен заключается в приписывании необычности и усмотрении чрезвычайных достоинств в типичных характерологических проявлениях нарциссичной партнерши. Так, один из наших клиентов, описывая постоянную угрюмость, придирчивость и хроническое недовольство своей депрессивной жены, с умилением восклицал: “Но я это несчастье ни за какое счастье не отдам!”, имея в виду гипотетическую возможность сколько-нибудь иного устройства своей личной жизни. В угрюмости, чрезмерной критичности супруги по отношению к другим людям и членам семьи он видел высокие жизненные стандарты, нравственную чистоту и принципиальность. Уставший, он после работы моет машину, идет за покупками, надеясь приглушить недовольство жены и завоевать одобрение с ее стороны. Однако это оказывается практически невозможным в силу ее невероятно высоких стандартов чистоты, порядка и внешнего вида. Он страдает от ее перфекционизма, но, в тоже время, в его голосе звучит восхищение: “Она у меня не такая, как все, редкой чистоты человек, максималистка во всем!”. Ее эмоциональная холодность, бедная эмоциональная экспрессивность рассматриваются мужем как таинственность, загадочность, необычность: “Из ее глаз льется загадочный свет!”. Чрезвычайно “правильное”, нормативное поведение, лишённое шуток, озорства или смеха, воспринимаются им – человеком живым и веселым – как проявления высшей “женственности” и хороших манер. У него постоянное чувство гордости в связи с тем, что он – обладатель особо ценного, редкого существа. Он ощущает недостаток любви, но успокаивает себя тем, что еще не родился человек, который мог бы стать ему конкурентом и “растопить этот лед”. Рядом с этой женщиной он ощущает собственную избранность и готов терпеть все. С другой стороны, постоянно подавляемые раздражения и обида заставляют тянуться к рюмке и прорываются во внезапных приступах гнева, которые, как правило, бывают направлены на детей.

Еще в одной наблюдаемой нами паре феномен “переопределения качеств” выразительно сформулирован супругом следующим образом: “Чтобы мне нравиться, женщина должна быть немного стервой, а иначе ведь пресно все время!”. Механизм притяжения к таким женщинам заключается в чрезмерной нормативности и пресности собственной жизни партнера. Неспособность самому проявлять требовательность и оказывать влияние на людей заставляет его восхищаться этими качествами в партнерше. В процессе “растопливания льдов” ему приходится брать на себя практически всю работу по дому: приготовление еды, уборку и стирку, ремонт жилья. Партнерша раздражается, когда он задерживается с обедом, периодически сообщает ему о сексуальных контактах с молодыми людьми,

но он по-прежнему мечтает создать “крепкую, здоровую семью” именно с этой загадочной и необычной женщиной.

2. *“Ненасыщаемость”*. Поводом для приглашения на семейную консультацию послужили жалобы депрессивной пациентки на полное отсутствие помощи и поддержки со стороны мужа. На семейном сеансе выяснилось, что муж – молодой удачливый бизнесмен, полностью обеспечивает семью материально, закупает продукты, гуляет с двухлетним ребенком. Однако не принимает участия в играх ребенка и не помогает жене в поисках нужного для малыша врача: “соглашается только отвезти меня и дочь к врачу”. Это служит поводом для бурных сцен и страшных обобщений. Феномен “ненасыщаемости” тесно связан с феноменом “переопределения свойств”. Муж видит в своей жене невероятно талантливую, почти гениальную писательницу, которая по его вине (вышла замуж, родила ребенка) не может реализовать свой талант. И хотя эта женщина много лет не бралась за перо, она не устает подчеркивать, что для работы ей нужны “особые условия”, которые муж-эксплуататор не в состоянии для нее создать.

Еще в одной семье, где жена полностью находится на содержании мужа-дипломата, а ребенок уже вырос, глава семьи испытывает хроническое чувство вины из-за своей неспособности удовлетворить все потребности супруги: “Она все когти об меня точит, точит...”. И хотя объективно эта женщина не испытывает ни в чем нужды, она постоянно дает мужу понять, что он “недостаточно для нее хорош”. Красивый, высоко образованный, социально успешный мужчина постоянно критикуется женой, которая нигде не работает и не получила высшего образования. Складывается впечатление, что необходимость добиться признания и одобрения этой женщины стала для него пожизненной ловушкой. Действие этой ловушки опять же основано на убеждении супруга в необычных качествах жены – ее уникальной физической привлекательности.

Феномен “ненасыщаемости” наиболее ярко проявляется в сочетании трудно совместимых и при этом очень высоких требований: зарабатывать много денег, иметь высокое социальное положение и при этом уделять много внимания семье, выполнять большое количество обязанностей по дому и уходу за детьми. Все это воспринимается как естественное положение вещей без похвалы и благодарности, без учета физических и эмоциональных ограничений. Попытка психотерапевта отметить заслуги мужа перед семьей вызвала у одной из таких женщин недоумение: “Ну, это же его обязанность!”.

3. *“Подборка ключей”*. Понять, наконец, душевное устройство такой женщины и разгадать ее чувства – великое искушение для мужчины в подобных парах. Один из наших пациентов говорит: “Всю жизнь стараюсь раскрыть эту “коробочку”!”. На сеансе он ловит каждое слово, сказанное женой, и смотрит на психотерапевтов с надеждой, что они объяснят ему

загадку, помогут подобрать ключ. Его жена молчалива, плохо понимает свой внутренний мир и не умеет вербализовать свои переживания, полна социальных страхов нарциссической природы (“плохо оценят”, “буду хуже всех”). Муж ей жизненно необходим, так как выполняет функцию “социального протеза” – берет на себя все дела и заботы, связанные с социальными контактами (визиты к врачам, запись ребенка в детский сад и пр.). Так же, как и все остальные женщины в описываемых парах, она не работает, находится на содержании мужа и самыми разными способами дает понять, что несчастлива с ним. Одним из поводов для обращения к специалистам этой супружеской пары стала сексуальная дисгармония – стойкая сексуальная холодность жены при страстном обожании ее и потребностях в частых половых контактах со стороны мужа. Мучаясь чувством собственной физической непривлекательности, мужчина решается на рискованный эксперимент. Он устраивает так, что за женой начинает ухаживать его коллега. Он создает все условия для их романа с надеждой, что другой “раскроет коробочку” (вылечит сексуальную холодность жены), и он сможет, наконец, получить столь желанную физическую страсть. Однако и этот “ключ” не подошел, принесся лишь дополнительные муки ревности и страдания.

Длительная и безрезультатная “подборка ключей” чревата катастрофами. Так, в другой наблюдаемой нами паре описанные усилия перешли в аффективно насыщенное, неадекватное требование с угрозами самоповреждения: “Ну, дай же мне, наконец, тепла”. Эта пара обращается за помощью, когда супруг зашел далеко в исполнении своих угроз: разбил себе голову и сломал нос жене.

Аналогичная ситуация сложилась и в другой семье. В состоянии алкогольного опьянения муж наносит черепно-мозговую травму жене. Здесь в состоянии опьянения выплеснулся многолетний подавляемый аффект – ему также не удастся “раскрыть коробочку” и понять, как удовлетворить свою вечно депрессивную, сверхтребовательную жену. Пусковой ситуацией стал очередной ее упрек после вечеринки с коллегами.

4. *“Выгодность болезни”*. Обычно женщины в описываемом нами варианте отношений не мотивированы на работу со своими симптомами и проблемами. Во всех перечисленных случаях инициаторами обращений в консультацию были мужья. Они же занимали и более заинтересованную и активную позицию на сеансах (позиция жен была неизменно пассивной и отстраненной). В ряде случаев поводом для обращения стали острые невротические проблемы детей. Дважды нам приходилось быть свидетелями тяжелой депрессивной симптоматики у женщин, когда и та, и другая отказывались вставать из постели и могли в течение всего дня бездействовать. При этом все домашние дела и уход за детьми ложились на кого-то из членов семьи. Причиной такого многодневного лежания была не столько

глубина самой депрессии, сколько нарциссический перфекционизм – обе больные испытывали острые мучения от осознания несовершенства любого предпринимаемого ими действия и потому предоставляли все делать другим. Чужое несовершенство было не столь мучительным и не служило стимулом для снижения собственных стандартов (в соответствии с убеждением “другие могут делать не совсем хорошо, но я должна быть выше всех”). Эти пациентки наотрез отказывались от терапии, поскольку усматривали в терапевтическом вмешательстве покушение на свои высокие стандарты и на то особое положение в семье, которое им обеспечивала болезнь. Характерно, что мужья в этих семьях терпеливо сносили все тяготы подобного супружества и по-прежнему были убеждены в незаурядности своих подруг. Попутно отметим, что такое поведение мужей подкрепляло и хронифицировало болезнь и делало невозможной индивидуальную психотерапию.

Высокая выгодность заболевания у данного типа женщин отмечалась нами и при менее тяжелых расстройствах. Примером могут служить слова одной из пациенток, обратившейся к нам по поводу тревожного расстройства и на редкость хорошо осознавшей механизм “очарования нарциссизма”: “Не хочу избавляться от тревожности. Тревожность делает меня сексуально привлекательной. От тревоги я не могу понять – что мне нужно, чего я хочу. Поэтому мужчины слышат от меня: “Иди сюда... Иди отсюда”. Они воспринимают это как оригинальность, противоречивость и загадочность моей натуры, и вокруг меня – всегда толпы”.

К сожалению, мы не можем похвастаться профессиональными удачами при ведении этих случаев. Как правило, оба партнера проявляют удивительное упорство в своем стремлении к “нарциссическому слиянию”. Привычный, отработанный годами способ достижения личностной целостности за счет соединения с партнером оказывается гораздо более стойким, чем мотивация к самоизменению через интенсивные интеллектуальные и душевные усилия, необходимые в психотерапии. Вызов, который представляют собой эти случаи, подлежит дальнейшему осмыслению. Данная статья – лишь попытка открыть в отечественной психотерапии обсуждение проблемы нарциссической комплементарности.

ЛИТЕРАТУРА

- Гинзбург Л.Я.. *Выбор темы. Нева*, 1988, N 12, с.131- 157.
Nichols M., Schwartz R. *Family Therapy. Concepts and Methods*. 1998. Allyn & Bacon, USA.
Willi J. *Die Zweier-Beziehung*, 1990, Hamburg.